

М. И. ШАПОР

UNIVERSUM VERSUS

ЯЗЫК — СТИХ — СМЫСЛ
в русской поэзии XVIII—XX веков

Книга первая

«Языки русской культуры»

Москва 2000

*Исследования выполнены при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)*

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Института «Открытое общество» (Фонд Сороса)
в рамках конкурса «Пушкинист»*

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)*

Шапир М. И.

Ш 23

Universum versus: Язык — стих — смысл в рус. поэзии XVIII—XX веков. — М.: Языки рус. культуры, 2000. — Кн. 1. — VIII, 536 с. — (Philologica russica et speculativa; Т. I).

ISBN 5-7859-0116-1

Цель монографии — показать содержательную насыщенность стиха, его тесную связь с языком и смыслом поэтического произведения, а также с другими явлениями художественной формы. Автор исследует становление и преобразование классической национальной стиховой культуры, основы которой заложил Ломоносов, а наивысшая точка развития была достигнута Пушкиным. Наряду с именитыми поэтами XVIII—XX вв. (от Тредиаковского, Ломоносова и Сумарокова до Д. А. Пригова, Л. Рубинштейна и Т. Кибирова) привлекаются произведения малоизвестных и вовсе не известных стихотворцев.

Монография состоит из двух книг. В первую из них входят исследования по теории стихосложения и по истории русского стиха XVIII—XIX вв.

ББК 83.3 (2 Рос = Рус)

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 % M153; e-mail: koshlev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G•E•C GAD (fax: 45 86 20-9102; e-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G•E•C GAD.

ISBN 5-7859-0116-1

9 785785 901162 >

© М. И. Шапир, 2000

СОДЕРЖАНИЕ

UNIVERSUM VERSUS

От автора 3

Часть I. Теория

Поэзия в ряду языков духовной культуры	9
«Versus» vs «prosa»: пространство-время поэтического текста	36
На подступах к общей теории стиха (Основные методы и понятия)	76
Metrum et rhythmus sub specie semioticae	91

Часть II. История (XVIII и XIX век)

У истоков русского четырехстопного ямба: генезис и эволюция ритма (Социоллингвистика стиха раннего Ломоносова)	131
Ритм и синтаксис ломоносовской оды (К исторической грамматике русского стиха)	161
Исчисление силлабо-тонической парадигмы (Случай Сумарокова: «Цефал и Прокрис»)	187
К семантике «пародического балладного стиха» («Тень Баркова» в контексте полемики о старом и новом слоге)	192

Содержание

О текстологии «Евгения Онегина» (орфография, поэтика и семантика)	224
«...Хоть поздно, а вступление есть» («Евгений Онегин» и поэтика бурлеска)	241
«Горе от ума»: семантика поэтической формы (Опыт конкретной диалектики стиха)	252
Гексаметр и пентаметр в поэзии Катенина («Инвалид Горев» на фоне формально-семантической деривации стихотворных размеров)	277
Феномен Батенькова и проблема мистификации (Лингвостиховедческий аспект)	335

Приложения

Библиография	461
Указатель имен	521

О ТЕКСТОЛОГИИ «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА» (орфография, поэтика и семантика)

Широкомасштабная модернизация текста памятников художественной литературы, централизованно проводившаяся в нашей стране после орфографической реформы 1918 г., отнюдь не закончилась вместе со сменой идеологического режима. Голоса, предупреждавшие, что эти действия не безвредны и не могут пройти для русской культуры безнаказанно, раздавались за это время не раз. Однако многие филологи, в том числе высококвалифицированные, — кто по недомыслию, а кто выполняя социальный заказ — настаивали (и продолжают настаивать) на том, что ничего, кроме пользы, осовременивание памятников не принесет. «В числе возражений против новой орфографии, — писал Н. С. Державин в 1920 г., — нам приходилось слышать, между прочим, ссылку на то, что перепечатка по новой орфографии наших классиков неминуемо должна повлечь за собой порчу их языка» (1920, 15). Опровержению этого «заблуждения» Державин посвятил статью. Разобрав одну за другой несколько орфограмм, он всякий раз приходил к выводу вроде того, что был сделан им по поводу правописания прилагательных мужского рода: «Сохраним ли мы, перепечатывая, пушкинский текст, его ой<, > или заменим это ой окончанием *ый*, язык пушкинский от этого не пострадает» (Державин 1920, 17).

Несостоятельность этого вывода, сохраняющего всю свою силу для редакторов нового академического собрания сочинений Пушкина (см. Вацуро и др. 1999, 566—567), я собираюсь показать на ряде примеров, начав со знаменитой строки «Евгения Онегина», текстологическая недо-

стоверность которой уже не раз становилась предметом обсуждения. В 1962 г. П. Н. Берков усомнился в правильности текста XVIII строфы 1-й главы, где Пушкин дает широкую панораму русского театра на рубеже столетий. По данным исследователя, до 1936 г. вторая строка этой строфы во всех без исключения изданиях печаталась: *Сатиры смелой властелин*. Начиная с 1936 г. она стала читаться по-другому: *Сатиры смелый властелин* (см. Пушкин 1936а, 105; 1936б, 16; 1936в, 277; и др.)¹. С точки зрения смысла и образности второй вариант ученому показался неудачнее первого: «<...> эпитет „смелый“ ничего не добавляет к нашему пониманию <...> Возможно ли такое сочетание: „Робкий, трусливый, боязливый, несмелый властелин сатиры?“ Нет! Но „сатира смелая“ противопоставляется „сатире несмелой, робкой, боязливой, трусливой“» (Берков 1962, 63)².

Поскольку чтение, утвердившееся после 1935 г., не было аргументировано в печати, Берков попытался выяснить, на чем базировалось решение, изменившее традиционный текст: «На вопрос, обращенный мной к одному из членов бывшей редакции академического собрания сочинений Пушкина, Д. Д. Благому, — не помнит ли он, как произошла замена стиха „Сатиры смелой властелин“ стихом „Сатиры смелый властелин“, мне было сообщено следующее: на заседании редакции Б. В. Томашевский указал, что Пушкин не различал форм на *ый* и *ой* и пользовался ими на равных правах, поэтому наличие в беловом тексте поэта стиха с формой *ый* было принято как окончательное доказательство того, что Пушкин читал спорный стих так: „Сатиры смелый властелин“» (Берков 1962, 61—62).

Не будучи вполне убежден в правильности такого решения, Берков предпринял самостоятельные разыскания. Они показали, что «1) в черновике окончание слова „смелый“ или „смелой“ неясно, но скорее всего „смелой“; 2) в каллиграфически написанной беловой отчетливо читается „смелый“; 3) в четырех прижизненных изданиях первой главы неизменно — „смелой“» (Берков 1962, 62). При этом в списке ошибок, приложенном к отдельному изданию главы 6-й (Пушкин 1828, VI: 46—47), среди 14 исправлений, касающихся 1-й песни, замены *смелой* на *смелый* нет. Следовательно, резюмировал Берков, в беловике либо описка, либо вариант, который Пушкин отверг сам или авторизовал поправку П. А. Плетнева. В любом случае это «явное нарушение <...> требований текстологии: принимать за основу надо прижизненные издания, конечно,

сверяя их с рукописями, но делая исправления <...> только при явной порче текста в печати» (Берков 1962, 62).

Ученый не подверг сомнению ни одного из тезисов Томашевского, но считал их недостаточным основанием для замены, произведенной в тексте «Онегина» в 1935—1936 гг. Поэтому в своих суждениях Берков далек от категоричности: «<...> моя задача заключается не в том, чтобы раз и навсегда решить этот вопрос, а в том, чтобы привлечь к нему внимание» (1962, 63). Но хотя этот вопрос был поднят около 40 лет назад, в поисках ответа на него наука с тех пор не продвинулась ни на шаг. В 1989 г. к анализу прилагательных мужского рода, оканчивающихся на безударное *-ой*, обратилась Н. М. Сергеева, выводы которой, в сущности, лишь повторяют Беркова: «<...> пушкинское написание *смелой* допускает иное определение формы — род. п. жен. рода, т. е. согласованное определение к существительному *сатиры*. Властелину немудрено быть смелым» (Сергеева 1989, 85). И уже совсем недавно о проблеме снова напомнил В. Лефельдт, в словах которого слышны всё те же осторожные и неопределенные сомнения: «<...> кто может исключить, что <прилагательное> *смѣлой* не является определением к существительному ж. р. в род. п. *сатиры*? *Смелость властелина*, собственно говоря, не нуждается в специальном подчеркивании» (1998, 170).

«Текстологическое недоразумение», которое связано с этой строкой, А. Л. Гришунин назвал «практически неразрешимым» (1998, 342). Мне кажется, однако, что на вопрос, «как же надо <...> понимать и печатать этот стих» Пушкина (Берков 1962, 63), можно ответить намного более уверенно (если, конечно, не строить свой ответ с опорой на одну лишь семантику). В умозаключениях Томашевского есть изъян, укрывшийся от внимания коллег. Насколько можно судить по двойному пересказу, ход его мысли был такой: форма *смѣлой* в прижизненных изданиях ровным счетом ни о чем не говорит, так как в именительном и винительном падежах оба варианта безударного окончания прилагательных мужского рода единственного числа Пушкин употреблял без разбору. В этой связи форму *смѣлый* в беловом автографе нельзя расценить иначе, как безусловное свидетельство того, какие именно род и падеж автор держал в уме.

На самом деле всё не так просто. Я не буду вдаваться в рассуждения о том, насколько орфографию поэта позволительно считать изученной³. Но как бы то ни было, ссылка на пушкинские навыки написания здесь не совсем уместна: хорошо известно, что орфография его прижизненных

изданий была своего рода компромиссом между правописанием самого поэта, его издателя и корректора (см., например, Вацуро и др. 1999, 566). Поэтому, даже если Пушкин действительно был абсолютно безразличен к употреблению разных орфографических вариантов — что, видимо, не соответствует истине (ср. Будде 1904б, 22—29; Чернышев 1906, 29—31; Обнорский 1946, 89—91; Сергеева 1989, 82 и др.; Лефельдт 1998, 168—169), — это не значит, что дублетные окончания в прижизненных изданиях «Онегина» использовались совершенно произвольно.

Напротив, в написании безударных флексий у прилагательных мужского рода прослеживается отчетливая закономерность. Гипотетически ее можно реконструировать на основании текста одной только XVIII строфы:

Волшебный край! Тамъ въ стары годы,
Сатиры смѣлой властелинъ,
Блесталь Фонвизинъ, другъ свободы,
И переимчивый Княжнинъ;
Тамъ Озеровъ невольны дани
Народныхъ слезъ, рукопесканій
Съ молодой Семеновой дѣлалъ;
Тамъ нашъ Катенинъ воскресилъ
Корнеля геній величавой;
Тамъ вывелъ колкій Шаховской
Своихъ комедій шумный рой;
Тамъ и Дидло вѣнчался славой:
Тамъ, тамъ, подъ сѣнію кулись,
Младые дни мои неслись.

(Пушкин 1833, 11)⁴

Нетрудно заметить, что внутри строки прилагательные мужского рода единственного числа в именительном и винительном падежах имеют безударное окончание *-ый* (*волшебный, переимчивый, шумный*), и только в рифме — ради ее графической точности — появляется вариант *-ой* (*величавой : славой*)⁵. От того, насколько последовательно эта орфографическая система реализована в прижизненных изданиях романа, зависит, в какой мере форму *смѣлой* мы имеем право интерпретировать как определение к слову *властелинъ*.

За основу дефинитивного текста принято брать последнее издание, подготовленное при участии автора, — в нашем случае это «Евгений Онегин» 1837 г.⁶ Из общего числа рассматриваемых форм, имеющих в ро-

Она едваръ — слова мидуръ
 ир уръ вѣзна. Угрюмой
 Неловкѣй, онъ едва едва
 въ отвѣтъ. Умова
 въ поимъ ^{чѣлнн} дугою думой —

Рис. 1. Беловой автограф XXII строфы 8-й главы (строки 8—12)

мане, надо исключить прилагательные с основой на заднеязычный, в которых окончание *-ой* могло обозначать твердость предшествующего согласного: *Ленской* (3, II, 8; XXXVI, 11; 5, XX, 10; 7, VI, 11; X, 1; XI, 1), *Руской* (2, XXXIII, 6), *всякой* (4, XVI, 13; XXIX, 10), *тихой* (4, XLVI, 13), *двурогой* (5, V, 13), *барской* (7, XVII, 1)⁷. За вычетом этих форм, в тексте 1837 г. я нашел 427 нерифмованных прилагательных, причастий и местоимений мужского рода с основой на твердый согласный и безударной флексией в им. и вин. пад. ед. ч. Подавляющее большинство этих форм, а именно 423, имеет окончание *-ый*, и лишь 4 — окончание *-ой* (трижды в основном тексте романа и один раз в «Отрывках из Путешествия Онегина»): *Снѣгъ рыхлой по колѣно ей* (5, XIV, 2); *Увязнетъ мокрой башмачокъ* (5, XIV, 7); *Къ рѣкѣ сквозь липовой лѣсокъ* (7, VI, 4); *Зачѣмъ не хилой я старикъ* (Пут., [V], 7).

Большая законность форм мужского рода на *-ый* с очевидностью явствует из строк, где сталкиваются два однородных прилагательных, из которых одно рифмуется со словами женского рода на *-ой* (ср. Чернышев 1906, 31): <...> *Двѣ ножки!... Грустный, охладѣлой, // Я все ихъ помню* <...> (1, XXX, 12 сл.; рифма: въ Россіи чѣлой); *Тутъ остовъ чопорный и гордой* (5, XVI, 12; рифма: мордой); *Отшельникъ праздный и унылой* (7, V, 9; рифма: мечтательницы милой); <...> *Высокопарный*, > но голодной // *Для виду прейскурантъ виситъ* <...> (7, XXXIV, 6 сл.; рифма: въ избѣ холодной); *Стоитъ безмолвный и туманной* (8, VII, 6; рифма: въ толпѣ избранной); <...> *Изъ устъ Онѣгина. Угрюмой, // Неловкѣй, онъ едва, едва* <...> (8, XXII, 9—10; рифма: думой)⁸; <...>

И путешественникъ залётной, // Перекрахмаленный нахаль <...> (8, XXVI, 9—10; рифма: *осанкою заботной*)⁹. Противоположные случаи, когда в середине стиха писалось бы *-ой*, а в рифме *-ый*, в «Евгении Онегине» отсутствуют.

Если безударное *-ый* у прилагательных мужского рода выступает как нейтральная норма, то окончание *-ой* почти всегда обусловлено версификационной техникой. Это хорошо видно на примере выражения *добрый (ученый или честный) малый*. В паре с прилагательным жен. рода (*отъ моды обветшалой*) оно оканчивается на *-ой*: *Иль просто будетъ добрый малой* <...> (8, VIII, 9). Во всех остальных случаях, то есть там, где нет давления рифмы, слово *малый* в им. пад. имеет окончание *-ый*: *Ученый малый, но педантъ* (1, V, 7); *Отецъ ея былъ добрый малый* (2, XXIX, 5; рифма: *запоздалый*); *Но ужъ конечно малый честный* (6, XXVII, 6; рифма: *неизвестный*); *Зарѣцкій нашъ и честный малый* (6, XXVII, 12; рифма: *пожалуй*). Любопытно, что в первой публикации 1828 г. последний стих имел окончание *-ой*, по всей видимости, вызванное лабиализованным *у* в рифме, но поскольку приблизительный характер созвучия с помощью орфографической уловки не устранился, в издании 1833 г. *-ой* было исправлено на *-ый*¹⁰.

Этот и другие случаи правки позволяют мне утверждать, что отысканные в тексте 1837 г. четыре нерифмующихся формы на *-ой* у прилагательных, основа которых не оканчивается на заднеязычный, остались там по недосмотру: от издания к изданию аномальные формы, не санкционированные рифмой, последовательно изгонялись. Относительно часто они попадают только во фрагментах, опубликованных в 1828 г. на страницах «Московского Вестника» (см. Пушкин 1828а, 7, 9; 1828б, 149): *каждой день* (7, XLIV, 2); *старой образецъ* (7, XLV, 2); *безсвязной, пошлой вздоръ* (7, XLVIII, 4); *томной умъ* (7, XLVIII, 11); *благосклонной взоръ* (4, XXIX, 11)¹¹. В поглавном издании «Онегина» (Пушкин 1825—1832) немотивированных форм на *-ой* совсем немного, хотя и впятеро больше, чем в окончательном тексте 1837 г. (в квадратные скобки берутся отвергнутые орфографические варианты): *Какъ въ лѣсъ [зеленой] зеленый изъ тюрьмы* (1, XLVII, 11); *Въ [единой] единый образъ облеклись* (3, IX, 13); *Уже [душистой] душистый чай бѣжалъ* (3, XXXVII, 7); *За нею [милой] Ленской; свѣтъ блеснулъ* (5, XX, 10)¹²; *Вступили в [важной] важный договоръ* (6, XXVII, 13); *Нашель [безвременной] безвременный конецъ* (6, XXXI, 11); *Пускает-*

ся въ [обратной] обратный путь (7, XX, 11); [Четвертой] Четвертый годъ больной въ чахоткѣ (7, XL, 6); Все въ нихъ на [старой] старый образецъ (7, XLV, 2); Все тотъ же [тюлевой] тюлевый чепецъ (7, XLV, 4); Невѣсть [обширной] обширный полукругъ (7, LI, 7); Успѣхъ насъ [первой] первый окрылилъ (8, II, 2); Мой [безтолковой] безтолковый ученикъ (8, XXXVIII, 8). Почти все эти исправления — 12 из 13 — были сделаны уже в тексте 1833 г., и только одно (1, XLVII, 11) появилось в 1837 г. В то же время обратные изменения — с -ый на -ой — производились, как будет показано ниже, единственно ради рифмы.

Всё сказанное укрепляет меня в мысли, что форма *смѣлой* в XVIII строфе 1-й главы «Евгения Онегина» не может квалифицироваться иначе, как родительный падеж женского рода: во всех прижизненных изданиях романа в стихах Фонвизин недвусмысленно назван «властелином смелой сатиры», и разумеется, ровно так понимали это место современники¹³. Грамматическое значение флексии -ой в словах о Фонвизине ничем не отличается от значения той же флексии в другом стихе: *Печалень страсти мертвой слѣдъ*. Форма *мертвой*, правильно напечатанная в академическом издании 1937 г., неверно интерпретируется в «Словаре языка Пушкина» как именительный падеж мужского рода (СП, II: 565): имеется в виду не «мертвый след», а «след мертвой страсти» (Сергеева 1989, 85). Вероятность того, что *смѣлой* — это еще один, пятый случай недовыправленного именительного на -ой, пренебрежимо мала — 0,009 (напомню, что этих форм — 4 из 427). Больше того, из-за своей синтаксической амбивалентности строка о «властелине сатиры», мне кажется, была бы подвергнута орфографической унификации в самую первую очередь.

Знаменательно, что XVIII строфа 1-й песни «Евгения Онегина» — это не единственное место, смысл которого был искажен при модернизации окончаний прилагательных мужского рода. Аналогичное искажение затронуло XI строфу 7-й главы, где обнаруживается, кстати, одно из так называемых «противоречий», присущих пушкинскому роману. Сначала кажется, что речь идет о забвении-забытьи, в которое человеческая душа впадает за гробом, но в последних двух с половиною строках этой строфы умерший из субъекта забвения превращается в объект, о котором помнят лишь недовольные наследники. Эта «подмена понятий» становится незаметной, из-за того что большой отрезок текста — с 9-й строки по

середины 12-й — можно семантически развернуть как в ту, так и в другую сторону:

Мой бѣдный Ленской! за могилой
 Въ предѣлахъ вѣчности глухой
 Смутился ли, пѣвецъ унылой,
 Измѣны вѣстью роковой,
 Или надъ Летою усыпленной
 Поэтъ, безчувствіемъ блаженной,
 Ужъ не смущается ничѣмъ,
 И міръ ему закрытъ и нѣмъ?...
 Такъ! равнодушное забвенье
 За гробомъ ожидаетъ насъ.
 Враговъ, друзей, любовницъ гласъ
 Вдругъ молкнетъ. Про одно имѣнье
 Наслѣдниковъ сердитый хоръ
 Заводитъ непристойный споръ.

(Пушкин 1830, 14—15)

Одновременная актуализация обоих значений слова *забвенье* не нашла своего отражения в «Словаре языка Пушкина» (ср. СП, II: 14).

К какому существительному относится причастие *усыпленной* в 5-й строке процитированной строфы? По мнению редакторов академического издания, это эпитет к слову *поэт*: <...> *Или над Летою усыпленный, // Поэт, бесчувствием блаженный, // Уж не смущается ничем* <...> (Пушкин 1937, 6: 143)¹⁴. О соображениях, которыми руководствовались текстологи, мы не знаем, но можем предположить: Лету усыпить нельзя, а поэта — можно. Не приписывая никому этого силлогизма, я рискну, однако, настаивать на его уязвимости. Поэт не был усыплен «над Летою», и следовательно, в данном контексте форма *усыпленной*, как ее ни понимай, выступает в переносном значении. Именно так ее толкует «Словарь языка Пушкина», хотя и определяет ее вслед за редакторами юбилейного шестнадцатитомника как им. пад. муж. рода: *усыпленный* тут значит «пребывающий в состоянии тишины, покоя» (СП, IV: 753) и, я бы добавил, сна.

Но тихим, спокойным, сонным может быть не только поэт, но и Лета, к которой, без сомнения, относился эпитет в исходном варианте этой строки: *Или за Летою туманной* (см. рис. 2). В «Руслане и Людмиле» (III, 215—216) «усыпленной» оказывается земля (*Уж побледнел закат*

Мой Павлик мой! — ~~успокойся~~
 Что предначертано в том ~~суде~~
 В ~~успокоении~~ ~~суде~~ ~~суде~~ ~~суде~~ ~~суде~~
 В ~~успокоении~~ ~~суде~~ ~~суде~~ ~~суде~~ ~~суде~~
 В ~~успокоении~~ ~~суде~~ ~~суде~~ ~~суде~~ ~~суде~~
 В ~~успокоении~~ ~~суде~~ ~~суде~~ ~~суде~~ ~~суде~~
 В ~~успокоении~~ ~~суде~~ ~~суде~~ ~~суде~~ ~~суде~~

Рис. 2. Черновой автограф XI строфы 7-й главы (строки 1—7)

румяный // Над усыпленную землей <...>), в стихотворении «Прозерпина» (1824) — берега Леты:

<...> Мчатся, облаком одеты;
 Видят вечные луга,
 Элизей и томной Леты
 Усыпленные берега.

Ср. также «сонные волны» Леты в стихотворении «Лишь розы увядают...» (1825). До образа «усыпленной Леты» отсюда уже подать рукой¹⁵.

Итак, Пушкин вполне мог назвать реку забвения *усыпленной*, как назвал ее поначалу *туманной*. Остается убедиться в том, что и в окончательном тексте эпитет характеризует Лету, а не поэта. Для этого надо рассмотреть все рифмы, в образовании которых участвуют прилагательные и причастия с безударными флексиями *-ой/-ый* (слова с основой на заднеязычный в расчет не принимаются). Если зарифмованы формы мужского и женского рода, как правило, оба слова имеют окончание *-ой*: *гений величавой* : *славой* (1, XVIII, 9 : 12); *на сценѣ скучной* : *зритель равнодушной* (1, XIX, 9 : 12); *пирогъ пересоленой* : *въ бутылкѣ засмоленной* (5, XXXII, 5 : 6) и т. п. Таких случаев в издании 1837 г. в общей сложности 52. Значительно реже — 12 раз — в паре с окончанием женского рода прилагательное или причастие мужского рода сохраняет

окончание *-ый*: *мудрецъ пустынный : барщины старинной* (2, IV, 5 : 6); *подъ сѣнію смиренной : какъ ландышъ потаенный* (2, XXI, 9 : 12); *Гильо смущенный : с точностью отмѣнной* (6, XXIX, 9 : 12) и проч. (ср. Кошутин 1919, 269) ¹⁶. Судя по всему, приблизительных рифм на *-ый* : *-ой* Пушкин всё-таки старался избегать. В журнальных публикациях фрагментов и в поглавном издании «Онегина» их было больше, но пять таких созвучий (2, XI, 5 : 6; 7, XXXIV, 5 : 6; XXXVII, 5 : 6; XLIX, 5 : 6; Пут., [XV], 5 : 6) впоследствии были уточнены. Вряд ли случайно, что все пять отредактированных рифм — парные (графическое несходство в соседних клаузулах особенно заметно):

<...> Бѣжалъ онъ ихъ бесѣды шумной;
Ихъ разговоръ благоразумный <...>

(Пушкин 1826, 16)

<...> Трактировъ нѣтъ. Въ избѣ холодной
Высокопарный, но голодный <...>

<...> Послѣднимъ щастьемъ упоенный,
Москвы колѣнопреклоненной <...>

Одинъ, какой-то шутъ печальный
Ее находить идеальной <...>

(Пушкин 1828а, 6; 1830, 35, 37, 47) ¹⁷

Потомъ за трубкой раскаленной,
Волной соленой оживленный <...>

(Пушкин 18276, 115) ¹⁸

Трижды прилагательное мужского рода образует рифму с наречием на *-о*, и каждый раз Пушкин выбирает орфографический вариант, скрадывающий неточность рифмы: *читатель благородной : угодно* (4, XX, 1 : 3); *напрасно : цвѣтъ прекрасной* (6, XXXIV, 9 : 12); *взглядъ холодной : благородно* (8, XLIII, 9 : 12) — поэт явно остерегался сочетать йотированную рифму с несовпадением заударных гласных. Это подтверждается шестью йотированными рифмами на *-ы(й)*. В сочетаниях с род. пад. существительного женского рода — *унылый : силы* (6, XVII, 1 : 3), с женским патронимом в род. пад. — *Николавны : исправный* (7, XLV, 9 : 12), а также со множественным числом существительного или причастия в предикативной функции — *волны : полный* (1, XLIX, 1 : 3), *неснос-*

ный : сосны (5, XIII, 5 : 6), раскрыты : знаменитый (5, XXXV, 9 : 12), пистолеты : раздѣтый (6, XX, 1 : 3) — все прилагательные мужского рода оформляются в соответствии с книжной нормой. Наконец, когда оба рифмующих слова стоят в мужском роде, они имеют окончание -ый: лукавый : величавый (1, XII, 9 : 12), окровавленный : нетлѣнный (1, XVI, 9 : 12), дорожный : осторожный (4, XLI, 5 : 6) и т. д. — всего 34 случая. Ни разу два мужских прилагательных не образуют приблизительной рифмы на -ой̑ : -ый̑, как это происходит в «Полтаве»: герой безумный : приступъ шумной (Пушкин 1829а, 83; Чернышев 1906, 31)¹⁹. И только единственный раз (7, VII, 9 : 12) — надо думать, по чистой случайности — оба рифмующих прилагательных мужского рода оканчиваются на -ой̑:

Но нынѣ... памятникъ унылой
 Забыть. Къ нему привычный слѣдъ
 Заглохъ. Вѣнка на вѣтви нѣтъ;
 Одинъ, надъ нимъ <sic!>, съдой и хилой
 Пастухъ по-прежнему поеть
 И обувь бѣдную плететь.

(Пушкин 1837, 208)²⁰

За исключением пары *унылой* : *хилой* — одной на 108 рифм — безударное -ой̑ у прилагательных и причастий мужского рода в им. пад. ед. ч. появляется только там, где второй компонент рифмы составляют формы женского рода на -ой̑ или наречия на -о. Отсюда вытекает, что если прилагательное *блаженный* (*поэтъ*) — masculinum, то рифмующееся с ним причастие *усыпленный* — femininum (*надъ усыпленной Летой*). Как и в случае со смелой сатирой, вероятность ошибки не превышает 0,009 (но, учитывая историю текста и семантику причастия, ее можно приравнять к нулю).

Я полагаю доказанным, что в текст «Евгения Онегина», печатаемый по новой орфографии, необходимо внести два исправления: в XVIII строфу 1-й главы и в XI строфу главы 7-й. Тем же, кому вероятность в 0,009 покажется достаточной для того, чтобы не до конца поверить в обоснованность предложенных выше исправлений, я могу напомнить, что устраняемые таким образом искажения пушкинского текста возникли из-за того, что редакторы взяли на себя смелость модернизировать произведения Пушкина. При переводе текста на новую орфографию филологам

приходилось добиваться однозначности, всякий раз устанавливая, что перед ними: прилагательное мужского рода или женского (-ой), единственного числа или множественного (-ья) и т. д. Риск, сопряженный с уничтожением омоформ, не остался сугубо теоретическим: список текстологических промахов выявленными ошибками не исчерпывается²¹.

Следует также учесть, что модернизация орфографии помимо семантики затрагивает поэтику: в частности, замена окончания -ой на -ый приводит к резкому увеличению количества приблизительных рифм. Согласно тексту последнего прижизненного издания, в 1-й главе «Евгения Онегина» всего две приблизительных рифмы: *увѣренъ* : <Каверинъ> (XVI, 5 : 6), *не можетъ* : *тревожитъ* (1, XLVI, 1 : 3), — тогда как, если поверить 6-му тому академического Пушкина, их число возрастет в шесть раз (ср. Чернышев 1941, 439; Сергеева 1989, 86). Редакторы 16-томного собрания сочинений, признавая, что «принципу глазной рифмы принадлежало в печатных изданиях пушкинского времени очень большое значение» (Винокур 1941в, 478; ср. Винокур 1927б, 87), пытались, однако, отвести этот довод с помощью таких возражений: «Есть писатели, которые строго следовали этому принципу» — к ним Г. О. Винокур относил Баратынского. «Но Пушкину стремление к глазной рифме всегда было чуждо», и «рукописи его не оставляют в этом <...> никакого сомнения. Так, например, в чистовой рукописи „Бахчисарайского Фонтана“ <...> читаем:

Когда въ часъ утра безмятежнѣй
Въ горахъ, дорогою прибрежной

и т. д. <...> Пушкин даже прямо формулировал свое отрицательное отношение к <господствовавшему во французской поэзии. — М. Ш.> принципу глазной рифмы. В статье о стихотворениях <...> Сент-Бёва (1831) Пушкин писал: „Как можно вечно рифмовать для глаз, а не для слуха? Почему рифмы должны согласовываться в числе (единственном или множественном), когда произношение и в том и другом случае одинаково?“ <...> Нужно ли доказывать, что такое отношение Пушкина к принципу глазной рифмы было глубоко прогрессивно <...>? Неужели же юбилейное издание <...> только в том случае правильно выполнило бы свой долг перед наукой <...> если бы оно стало превращать Пушкина в дюжинного представителя своей эпохи <...>?» (Винокур 1941в, 478; ср. Державин 1920, 18—19).

К сожалению, в этих словах Винокура меньше доказательств, чем риторики, ради которой замечательный ученый даже Баратынского готов зачислить в «дюжинные представители эпохи». Искусственно приближать версификацию Пушкина к среднестатистическому стандарту не лучше, чем делать из него революционера в области стихосложения. Поэт не подкреплял теорию практикой; он не был в своих рифмах столь смелым новатором, как это казалось Винокуру (ср. Брюсов 1929, 210 и др.; Ketball 1989, 133 и др.). Из всех видов приблизительных созвучий Пушкин сколько-нибудь часто обращался лишь к тем, которые благодаря наличию орфографических дублетов с легкостью превращаются в точные. Почему, если автору «Евгения Онегина» было достаточно совпадения звуков, он тем не менее рифмовал няни : *въ бани* (5, X, 1 : 3), *слова : младова* (7, LV, 5 : 6) и т. п. (ср. Рак 1996, 317 и др.), хотя в середине строки, по большей части, придерживался орфографической нормы:

Но я плоды моихъ мечтаній
И гармоническихъ затѣй
Читаю только старой няни,
Подругѣ юности моей <...>

(Пушкин 1828, IV/V: 36; 1833, 120)²²

Поздний Баратынский, категорически избегавший несовпадения заударных гласных (Гаспаров 1984г, 20), непременно выравнивал рифму с помощью орфографических дублетов; Пушкин, который изредка позволял себе приблизительные рифмы, не всегда был аккуратен в написании окончаний рифмующихся прилагательных. И всё же по количеству рифм с несовпадающими заударными гласными — типа *волненье : позволенья* (7, XX, 9 : 12), *похожий : прихожей* (8, XL, 5 : 6), *рано : романа* (8, LI, 9 : 12) и т. п. — Пушкин всецело остается поэтом первой трети XIX в. (см. Гаспаров 1984г, 20; ср. Обнорский 1946, 87 и др.). Поэтому рифмы на *-ой* : *-ый* в «Евгении Онегине», также как в поздней лирике Пушкина (см. Сидяков 1997, 15—17), не только не поощряются, но и подвергаются орфографической правке. Кому бы эта правка ни принадлежала, мы можем по ее поводу повторить слова, сказанные В. И. Чернышевым об орфографии поэта в целом: «<...> Пушкинъ слѣдилъ за текстомъ отпечатанныхъ друзьями сочиненій, провѣрялъ его, указывалъ ошибки, а нѣкоторыя произведенія корректировалъ самъ. Затѣмъ, онъ не дѣлалъ замѣчаній противъ орфографіи своихъ печатныхъ текстовъ. Значить, онъ

ей удовлетворялся, и мы имеем право относить орфографию книг самому автору» (Чернышев 1906, 23; ср. Лотман 1987б, 92—94)²³.

Результаты исследования опровергают мнение, будто «-ый и -ой <...> чередуются у Пушкина без всякой системы» (Винокур 1941в, 476). Неверно, что в данном отношении, как якобы и во всех прочих, «юбилейное издание предпочитает пушкинский разнбой в орфографии разнбою его издателей и корректоров» (Винокур 1941в, 477). Напротив, более или менее последовательная орфографическая система Пушкина, его издателей и корректоров в академическом собрании сочинений была подменена редакторским разнбоем, а по совести сказать, произволом. Этот произвол, как и следовало ожидать, обернулся порчей пушкинского текста и деформацией пушкинского стиха: орфография оказалась слишком тесно связанной с поэтикой и семантикой.

Мы видим, сколько требуется усилий, чтобы исправить пару текстологических ошибок — а ведь за долгие годы таких ошибок накопилось великое множество. Мне уже случалось указывать на невозможность по поводу чуть ли не каждого слова проводить специальную проверку, призванную отделить в орфографии значимые элементы от незначимых, — да и кто сможет гарантировать правильность полученных выводов (Шапир 1994г)? Поэтому, чтобы сократить до минимума процент текстологического брака, в изданиях академического типа орфографию и пунктуацию оригинала нужно сохранять в неприкосновенности — везде, и тем более там, где допустимо двоякое истолкование. Это правило представляется неоспоримым. Однако в массе своей текстологи проявляют безучастность к любым аргументам, независимо от их убедительности и доказательности. По этой причине искажения классических текстов живут долгие десятилетия и тиражируются миллионами экземпляров.

Примечания

¹ П. Н. Берков не совсем точен: впервые транскрипция *смелый* была предложена еще в 1935 г. (см. Пушкин 1935б, 105).

² С точки зрения поэтической логики, эти доводы не работают: язык поэзии легко мирится с противоречивостью определяемого и определения (оксюморон) и допускает перенос признака с главного слова на зависимое и наоборот (эналлага).

³ Е. Ф. Будде, специально занимавшийся правописанием пушкинских прилагательных, в своем исследовании был вынужден довольствоваться немногими снимками

рукописей и сетовал на отсутствие лингвистически надежных печатных источников: «<...> и 2-ое издание I-го тома <собрания сочинений Пушкина. — М. III.> не исправлено Академией Наукъ въ смыслѣ соблюденія орфографіи поэта, значить, опять лингвистическіе интересы забыты... Пора бы намъ имѣть по каждому автору хоть одно *ученое* въ полномъ смыслѣ слова издание, подобно изданію соч. Ломоносова въ редакціи М. И. Сухомлинова. Такое издание обязательно хоть для тѣхъ случаевъ, когда рукописи писателя сохранились въ подлинномъ видѣ» (Будде 1904б, 22—23 примеч. 1; ср. Обнорский 1946, 89). Замечу, что и спустя сто лет Ломоносов по-прежнему остается единственным русским классиком, два издания сочинений которого могут называться академическими, и то с оговорками.

⁴ В отношении интересующей нас орфограммы все прижизненные публикации этой строфы выглядят точно так же.

⁵ Ср. сходные наблюдения В. И. Чернышева (1906, 30—31), Р. Кошутича (Кошутихъ 1919, 266—271), М. Н. Сергеевой (1989, 86), В. Лефельдта (1998, 167) и др. В 1820-х годы это была обычная практика рифмовки: «На рѣмахъ, гдѣ приходится прилагательное, съ окончаніемъ въ мужескомъ родѣ на *енный*, я его пишу *енной*, коли рѣма къ нему творительный или родительный падежи женскаго существительнаго, либо прилагательнаго, пишу для того, чтобы глаза не оскорблять пестротой» [из письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину от 4. XI 1829 (цит. по: Чебышев 1911, 157)].

⁶ В «Кратком обзоре издательской деятельности Глазуновых» утверждается, что эта книга была исполнена «такъ тщательнo <...> какъ не издавались ни прежде, ни послѣ того сочиненія Пушкина. Корректурныхъ ошибокъ не осталось ни одной; послѣднюю корректуру самымъ тщательнымъ образомъ просматривалъ самъ Пушкинъ» (Обзор 1882, 69; Смирнов-Сокольский 1962, 390 и далее). Правды ради надо сказать, что в «Онегине» 1837 г. есть довольно много опечаток (включая смысловые), причем часть их перекечевала сюда из второго и даже из первого издания: *Не такъ ли я въ былые годы // Провелъ въ бездѣйствіи, въ тиши <вместо въ тѣни> // Мои счастливейшіе дни?*; *Татьяна вѣрила преданьямъ // Простонародной старинѣ <вместо старины>* и др. (Пушкин 1837, 36, 142: ср. Пушкин 1825, 45; 1833, 34, 134; а также Винокур 1927б, 51).

⁷ О том, что эти формы допускали мягкое или полумягкое произнесение последнего согласного основы, косвенно свидетельствуют рифмы типа *клик*: *великій* (5, XXXIII, 9 : 12; ср. Кошутихъ 1919, 84). Особый статус прилагательных с основой на заднеязычный нашел отражение в академическом собрании 1937—1949 гг.: в нем после букв *г*, *к*, *х* (и только после них) сохранялось написание *-ой* (см. Пушкин 1937, 1: XII).

⁸ Научный редактор русской версии набоковского комментария к «Евгению Онегину» «поправляет» автора, который якобы неточно процитировал стих 8, XXII, 9: «У Пушкина — „угрюмый“. Набоков же дает в этом слове окончание „-ой“ — „угрюмой“ („угрушоу“), транслитерируя произносительную форму в рифму со словом „ду-

мой» (Старк 1998, 698 примеч. 27). В. П. Старк понапрасну фетишизирует орфографию академического собрания: у Пушкина — именно *угрюмой*, и не только в прижизненных изданиях, но и в автографе [ИРЛИ, ф. 244 (А. С. Пушкин), оп. 1, ед. хр. 937, л. 10 об.; см. рис. 1].

⁹ Ср. также: *И блѣдный цвѣтъ, и видъ унылой* (4, XI, 6; рифма: *Татьяны милой*).

¹⁰ Приблизительными называются рифмы с графическим несовпадением заударных гласных, независимо от их фонетического тождества или различия (см. Гаспаров 1984г, 8 примеч. 9).

¹¹ Эта орфография осталась без изменений при перепечатке отрывка «Москва» (Пушкин 1828а) в «Северной Пчеле»: «Сей отрывокъ напечатанъ былъ въ одномъ Журналѣ съ непростительными ошибками. По желанію почтеннаго Автора, помѣщаемъ оный съ поправками въ Сѣв. Пч.» (Пушкин 1828в, 3 примеч. *). Ср. также *тяжелой сонъ* в первой публикации письма Татьяны (Пушкин 1827а, 224).

¹² Степень нежелательности форм типа *Ленской* и типа *милой* была неодинаковой. У прилагательных с основой на заднеязычный безударное окончание *-ій* тоже было предпочтительнее, нежели безударное *-ой*: в тексте 1837 г. второе встречается почти в 9 раз реже первого. Четыре формы именительного на *-кой* — *Ленской* (3, IV, 6), *звонкой* (3, LX, 2), *конской* (5, XVII, 8), *свѣтской* (8, VI, 2) — были исправлены в издании 1833 г. Вместе с тем нельзя забывать о том, что после *г, к, х* флексия *-ой* допускалась в 12,5 раз чаще, чем после прочих согласных.

¹³ Его отзвук есть у Вяземского в «Нарвском водопаде» (лето 1825), вторая строка которого ритмически, лексически и синтаксически очень близка к пушкинской: *Несись с неукротимым гневом, // Мятёжной <вариант: Сердитой> влаги властелин!* Немыслимо, чтобы Вяземский, незадолго перед тем прочитавший 1-ю главу «Онегина», не запомнил оттуда характеристику Фонвизина, замысел биографии которого он уже начал претворять в жизнь (см. Пушкин 1926, I: 118, 154, 405, 492).

¹⁴ Беловая рукопись не сохранилась, черновик читается неразборчиво (ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, ед. хр. 838, л. 5 об.; см. рис. 2). Впервые чтение *усыпленный: блаженный* зафиксировано в издании под редакцией Г. О. Винокура (Пушкин 1935а, 178) и затем не пересматривалось.

¹⁵ Образ этот — собственно пушкинский. Ср. один из источников «Прозерпины», стихотворение Жуковского «Элизийм» (1812). Заимствуя из него целый блок, Пушкин перемещает эпитет: *Видит мирные луга; // Видит Летою крошмы // Очарованны брега* (Вацуро, Мильчина 1989, 623; Pilshchikov 1994, 87 п. 30). Ср. также выражения *брег (берег) сонных вод* («Фавн и пастушка», 1816; «Домовому», 1919), *сонная волна* («Русалка», 1819; «Руслан и Людмила», II, 326; V, 308) и т. п.

¹⁶ Из 12 таких пар четыре приходятся на долю 2-й главы — единственной, которая была выпущена не в Петербурге под наблюдением П. А. Плетнева, а в Москве при участии С. А. Соболевского. Ср. варианты одной и той же рифмы (2, X, 1 : 3)

в «Северных Цветах» и в отдельном издании 1826 г.: *послушной : простодушной* (Пушкин 1825а, 281) и *послушный : простодушной* (Пушкин 1826, 15).

¹⁷ В «Северной Пчеле» — *печальной : идеальной* (Пушкин 1828в, 4).

¹⁸ Четыре из этих пяти парных рифм были выправлены в издании 1833 г., а еще одна, пятая (2, XI, 5 : 6), — в издании 1837 г.

¹⁹ В «Онегине» 1833 г., вероятно по оплошности набора, подобная рифма появилась (5, XLIV, 1 : 3), но в тексте 1837 г. она была устранена и восстановлено чтение первого издания (*задорный : проворный*). Ср.:

Буяновъ, братецъ мой задорный,
Къ герою нашему подвель
Татьяну съ Ольгою: проворной
Онѣгинъ съ Ольгой <sic!> пошель <...>

(Пушкин 1833, 46; ср. 1828, IV/V: 91; 1837, 168)

Симптоматична опечатка в 4-м стихе, исправленная одновременно с рифмой. Чтение *проворной* в тексте 1833 г. — видимо, следствие неудачной попытки учесть поправку, указанную в списке опечаток (Пушкин 1828, VI: 48): *проворно* вместо *проворный*.

²⁰ Ср. также две из 14 рифм, образованных при участии прилагательных мужского рода в им. пад. с основой на заднеязычный: *пѣтъ армейской : стишокъ злодѣйской* (4, XXIX, 5 : 6); *критикъ строгой : вѣнокъ убогой* (4, XXXII, 1 : 3).

²¹ Например, А. К. Панфилов (1995) был уверен, что неправильно печатаются два стиха из «Кавказского пленника»: *Делил души младые* <вместо *младыя*> *впечатленья* (Посвящение, 23); *Преданья темные* <вместо *темныя*> *молвы* (Эпилог, 62). Хороший пример двузначной формы на -ья (-ия) приводит В. Э. Вацуро (1999, 260): *Надежды робкия черты* («К живописцу», 1815). В большом академическом издании 1937 г. эта форма прочитана как род. пад. ед. ч.: *робкия надежды* (Пушкин 1937, 1: 174), а в большом академическом издании 1999 г. — как вин. пад. мн. ч.: *робкие черты* (Пушкин 1999, 162). Оба чтения равно возможны (ср. Вацуро и др. 1999, 671), и адекватно отразить эту возможность удастся, лишь полностью отказавшись от модернизации окончаний -ья (-ия) в им.-вин. пад. мн. ч.

²² Так в рукописи (ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, ед. хр. 835, л. 76; ед. хр. 935, л. 20 об.) и в двух первых изданиях. В «Онегине» 1837 г. окончания выравнены, но с тем, чтобы не нарушить рифмы: *няни, подруги* (Пушкин 1837, 127). Ср. в «Бахчисарайском фонтане»: <...> *Или подругѣ благосклонной* <...> (Пушкин 1824, 7).

²³ По этой причине я не могу согласиться с тем, что «авторские написания <...> должны быть восстановлены во всех случаях» (Сергеева.1989, 87). Текстологические принципы не могут быть едиными для произведений, изданных при жизни писателя, для тех, что дошли до нас только в авторской рукописи, и для тех, что известны лишь по неисправным спискам. Однако осовременивания источников не должно быть ни в каком случае.